

A man in a military uniform, seen from behind, stands on a rocky, snow-dusted hillside. He is wearing a green cap and a large, brown and green tactical backpack. He gazes out over a vast, desolate landscape featuring a blue body of water, snow-covered mountains, and a small settlement in the distance under a cloudy sky.

Илья Максимов

**Служил
Советскому
Союзу!**

18+

Илья Максимов

Служил Советскому Союзу!

<https://litres.ru/74037549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повествование от первого лица охватывает собой 1987-89 года, срок службы главного героя в советской армии. Вместе с героем читатель побывает в тундре близ Карского моря и пустыне на юге Казахстана. Героя ждет знакомство с юной продавщицей мороженого в Ельце и опытной браконьершей в Амдерме, и конечно прапорщики, лейтенанты, капитаны, даже один генерал.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Служил Советскому Союзу!

Глава

ПРОЛОГ

Это рассказ о двух годах службы в армии. Года эти 1987-1989-е. В то время было принято говорить так, «семьсот тридцать дней и ночей», несколько напыщенно звучит, но из песни слов не выкинешь. Таким образом это два года выраженные в днях, хотя в моем случае 731 день, поскольку 1988 год был високосный, а на самом деле конечно этих дней и ночей у всех было по-разному, кого раньше призвали, кого позже, также и с увольнением. Ночей всегда меньше, призывают днем и увольняют в запас тоже днем.

Я – это Нафталиев Руслан Садыкович. Призывался я из Москвы, однако родился и вырос в Баку. По национальности я горский еврей, расставим сразу точки над *i*, отсюда и Садыкович, а не Садык оглы. И фамилия моя восходит не к Алиеву с прибавлением приставки «нафт», это вообще ерунда какая-то, нефтяной Алиев получается, нет. Фамилия моя восходит к старому еврейскому имени Нафтали. Ну и на этом хватит, в те годы о которых пойдет речь среди рядового состава Советской армии, который и будет преимущественно фигурировать в повествовании, пятый пункт большой роли не играл. Все-таки на него смотрели, пятый пункт в паспор-

те был не зря, но не так пристально, важнее было откуда ты призвался. Русский из Казахстана это одно, совсем не то, что русский из Архангельска, а русский из Грузии это вообще, почти грузин. То же и с евреями. Так что я числился москвичом, которых, как известно, нигде не любят.

Здесь я не буду описывать те события, которые привели меня в армию, это рассказ именно об армейской службе, но кое-что, предшествующие призыву, надо указать. Учился я в Москве, причем в ВУЗе имевшим военную кафедру, а значит и отсрочку от призыва, но учился плохо и меня отчислили. С третьего курса. К маю 1987 года, к тому знаменательному для всех вооруженных сил СССР, а особенно их войскам ПВО майскому дню, мне уже почти исполнилось двадцать лет. В соответствии с законом товарищ военком Первомайского района города Москвы горел желанием призвать меня на срочную службу как раз в том самом мае. Я же имел желание, а главное возможность оттянуть дату отбытия в войска как можно дальше, к июлю. Победила молодость. 4 июля я сидел в кабинете военкома.

– Нафталиев! Почему вы скрываетесь от призыва?! Мы ищем вас уже два месяца, отправляли запрос даже в Баку! – Военком, а может быть это был его заместитель, но в любом случае чин солидный, буквально кипел.

Я был хорошо подготовлен к такой встрече, я знал, что к отцу в Баку приходили из военкомата, справлялись обо мне, осведомлен я был и о частых визитах в общежитие. Один раз

мне довелось даже столкнуться с представителем военкомата нос к носу, хорошо, что он не знал меня в лицо и я ловко улизнул.

– Как скрываюсь?! Вот же я тут сижу! – Я тоже начал говорить на повышенных тонах, строить из себя дурака можно и нужно, но тут главное не переиграть, то, что я совсем уж простофиля он не поверит. – Я ждал повестку, не самому же мне идти, куда идти, когда идти, откуда я знаю. Ждал повестку. А ее все нет и нет и вот пришел сам.

– Ага! Значит теперь ты сообразил куда прийти и когда прийти. А раньше не мог? Повестки тебе высылали и даже ходили за тобой. Впрочем, это все ладно, теперь уже четвертое число, поздно, призыв закончился, сейчас ты распишешься в получении повестки и явишься в сентябре, после опубликования приказа. В сентябре тебя и призовем.

Товарищ начальник блефовал, он хотел меня напугать. Я понимал, что если меня не призовут в срок, то есть сейчас, то это пойдет ему в минус. Попугает и все сделает, поэтому я только изобразил испуг, хотя, откровенно говоря, немного и правда струхнул, а ну как сделает как говорит, год терять не хотелось. Но все обошлось, восьмого числа мне велено было явиться с вещами.

В 1987 году проводы в армию уже не имели того значения, а главное размаха, что 20-30 лет назад, никаких напутствий от старшего поколения навряде того, что служи честно, защищай Родину, как показывали в фильмах, уже не практи-

ковалось. Два дельных напутствия я получил от своего дядьки, пробывшего в армии долго даже сверхсрочную и толк в службе знавшего. Первое. Если придется косить, вали все на голову, в том, что происходит в голове медицина еще не научилась толком разбираться. И второе, наиболее ценное. Никогда не перечь командиру, даже если он дает дурацкий приказ, отвечай «так точно!» а сам ничего не делай. Так напутствовал меня дядя, но это было еще в Баку, а в Москву на проводы приехал отец. Настоящих проводов не получалось, потому что напиться в его присутствии я не мог, а в том, чтобы напиться и состояла вся суть проводов в армию.

Получив повестку на 8-е число, я аккуратно сложил ее в задний карман индийских джинсов Райфл, купленных по случаю за сто тридцать пять рублей (мое полуторамесячное довольствие) и гордо вышел в город. С этой минуты мне все было нипочем, я мог даже послать куда подальше мента, что стоял у вино-водочного магазина, что он мне сделает, я ухажу в армию. Однако мента я трогать не стал, не такой я был смелый, но в троллейбусе до Сокольников талон не компостировал, а вошедшей как нельзя кстати контролерше сунул повестку, и она отстала. Там же на остановке я встретил свою давнишнюю приятельницу, Наташу Ярцеву, она сильно изменилась за эти месяцы, что я ее не видел, повзрослела, ей исполнилось шестнадцать, мы чудесно прошли вместе до парикмахерской, куда я направлялся, чтобы постричься. Хорошая девушка, нравилась она мне, я потом часто приходил к

дому, где она жила, в расчете на случай, но так больше ее не встретил.

Говорили, что теперь в армии не требуют стричься под ноль, это и выглядит некрасиво и унижает человека, если приедешь с патлами, то никто с тобой возиться не будет, постригут под машинку и весь разговор, а вот если заранее постричься очень коротко, то брить не станут. И я пошел стричься, пятьдесят копеек отдал. Брехня! Первое что сделали в части это загнали как овец на стрижку. Потом рассказывали, это потому, что учебка, а в частях так не делают. Не знаю. Лучше бы я тогда не стригся заранее, а этот полтинник в «чепке» потратил, в части-то бесплатно стригут.

Остригся я значит, с Наташей еще походил немного по району, водки купил и в общагу. Стол сообразили без меня, не густо, но прилично. Каникулы уже, в общежитии только такие же бедолаги, как и я, те, кто хвосты сдают, но народ собрался. Товарищ мой тоже бегавший от военкомата аккуратно завтра же на призывной пункт идет, вместе значит, веселее. Выпили не много, говорю же, отец тут, неудобно, да и завтра к 8-00 на месте уже надо быть, не отоспишься. Я в те годы очень спать любил.

Призывной пункт у райвоенкомата, прощание с отцом, потом построение, отобрали паспорта и посадили в автобус. Ехали мы шумно, зачем-то орали, высовывались из окон, плевали в милицейскую машину, что ехала мимо, традиция такая, показать, что нам теперь море по колено. Привез-

ли нас на Угрешку, на городской сборный пункт. Тут своя жизнь, интересная, провел я там двое суток.

Большая казарма, спальных помещений несколько, ложились мы где придется, спали не раздеваясь, народу тьма, все время кого-то куда-то вызывают, выкрикивают фамилии, снуют покупатели офицеры и их подручные сержанты. Завидев морскую форму, призывники мгновенно растворяются в воздухе, служить три года никому не охота. И кто это придумал, что в морфлоте надо служить на год больше? Ищите дураков. Но я спокоен. У меня ограничения. Никуда кроме вожделенного ПВО и вездесущего стройбата меня взять и не могут, ни в танки, ни в морфлот, ни тем более в десантуру. А другим страшно, вот и разбегаются, а ну как этот покупатель в красивой кремовой форме как раз за тобой. На этом страхе мы строили свои нехитрые шутки. За забором собирались родители призывников, были настырные кто сюда приезжал, девушки очень любили, все выпрашивали из-за забора.

– Полетаев, Федя, – Кричат снаружи высокие женские голоса, мужских никогда не слышали. – Не знаете где он?! Позовите!

– Забрали его, – Басим мы в ответ. – в морфлот уехал! – И так вот в том же духе, весело нам.

Я с приятелем, Олег его зовут, рядом держусь. Толку от него мало, щуплый, низенький, фамилия смешная, не буду называть, но все же вдвоем легче. Сам я тоже не гигант, в военном билете написали 170 см, да я сколько потом не пере-

меривал выше 169 никак не получалось. На медосмотре дали силомер выжать рукой, фельдшер смотрит на показания, отдает обратно прибор, говорит заново давай, правой рукой. Он думал я левой выжимал поэтому такой низкий результат, а нет, просто силы в руках нет, тяжелее граненного стакана ничего поднимать не приходилось. Пока.

Первый день прошел, ночь прошла, второй день в бездельи уже заканчивается, вдруг слух, приехал покупатель из учебки ПВО, из Ельца. Ну ПВО это то, что нам надо, туда усиление сейчас идет после пролета Руста, и по профилю, я же на третьем курсе успел немного на военной кафедре поучиться, а там как раз у нас ПВО, да и Елец место зачетное, не далеко. Засуетились мы как бы к нему попасть, а тут прямо нас и вызывают, по фамилиям, меня и приятеля и еще нескольких студентов бывших.

Сидит старший лейтенант, Кузнецов, сразу представился. Веселый такой, улыбчивый, добродушный, спросил, где я учился, какой курс, как узнал, что я на военной кафедре учился да на офицера ПВО, тут же записал. Говорит я тебя не только в нашу часть, в свой взвод возьму, ты у меня отличником боевой и политической подготовки будешь. Наивный был старлей, знал бы он кого берет. Но я-то согласен, радуюсь, уже мысли в голове как бы так устроить, чтобы в учебке остаться, в часть потом не ехать, дедовщины боюсь, что ни говори, порасказали друзья приятели, отслужившие свое. Завтра выезжаем.

Вторая ночь спокойнее прошла, определенность есть, Олега тоже Кузнецов с собой берет, значит в одной части будем, в один взвод-то не возьмут, это ясно, лучше помалкивать, так может случайно попадем хотя бы в одну роту, а если попросишь, скажешь приятель, так точно раскидают в разные концы. У нас же как, призывают из Баку, так значит на Сахалин отправят служить, если из Архангельска парень, так его в Молдавию, грузина в Башкирию и так далее. Так и здесь, друзья, значит разлучить, только близнецов всегда вместе определяют, даже в отделение одно не то, что роту, и койки рядом, и в наряды вместе, считается, что близнецов разделять нельзя.

С утра построили нас и стоим мы, больше часа стоим, погода хорошая, лето, почему бы не постоять, служба-то уже идет, два дня из тех пресловутых 730 уже прошло. И вдруг вижу я, напротив тоже построили небольшой отряд призывников, там офицер и при нем как положено сержант. В форме, с иголочки, три лычки, и никто иной это как мой одноклассник бакинский. Разве так бывает?! Татарин один из нашего класса, имя забыл, только фамилию помню, я с ним не то, что не дружил, а и в ссоре был, с восьмого класса не разговаривал, уже не вспомнить что там между нами было, да тут уж не до обид прошлых, как закричу «Гайнуллин! Ты?!» Он обернулся, только и ответить успел, я, год отслужил с покупателем приехал за молодыми. И все. Скомандовал их офицер «Направо! Шагом марш!» и ушел он со своими бойцами,

руками развел, даже подойти не смог. Больше ничего я ему не успел сказать, и не видел его больше никогда. А только это было самое невероятное совпадение в моей жизни, чтобы вот так вот, спустя 3 года после окончания школы в Баку встретить в Москве одноклассника, да где, на ГСП. Покивали мы головами, поудивлялись, и пошли на Павелецкий вокзал, на поезд, в Елец ехать.

В дороге ничего интересного не было, поезд как поезд, плацкартный вагон, ехали долго, вечер и всю ночь, утром прибыли на место. От вокзала часть оказалось совсем рядом, пешком прошли и вот мы уже за КПП, внутри, а значит началась служба по-настоящему!

ЗНАКОМСТВО

Самое время познакомиться с сослуживцами. Ехало нас из Москвы шестнадцать человек, не со всеми из них я сошелся до такой степени, чтобы подробно рассказывать о них, там на месте добавились еще несколько человек, расскажу про некоторых. Олег, мой институтский товарищ по несчастью это отдельный разговор, в свое время о нем будет сказано подробно. Здесь же новые лица.

Кирилл Логинов из МГУ, его призвали тоже с третьего курса, но он на год меня моложе, все это выяснилось сразу, еще в поезде, в возрасте 18-20 лет один год имеет значение. Парень не глупый, даже, наверное, умный, носил очки, изъяснялся интеллигентно, но больше молчал и был такой же хлюпик как все мы. Вопреки обыкновению придумывать

разные прозвища, а если не придумывается, то называть товарищей по фамилии, Кирилла все называли по имени.

Юрий Голиков учился аж в Физтехе, как оттуда попадали в армию для меня до сих пор загадка, может также как и я отчисленный, об этом он умалчивал. Юра был высок ростом с виду крепок, он умел подтягиваться, не два-три раза как все мы, а раз девять, что было рекордом нашего взвода. С ним мы так до конца учебки и не сошлись, ни в чепок вместе не ходили, ни в нарядах побывать рядом не довелось, но он сопровождал меня в моей службе до самого конца.

Вася Моисеев учился в МЭИ, с ним мы быстро подружились, оказалось, что и жили почти рядом в одном студгородке и даже на дискотеки одни и те же ходили. Моисеев был товарищ скрытный, как и почему он попал в армию мы не знали, туманные намеки свидетельствовали вроде бы об аморалке, но точно никто не знал. Вася чрезвычайно интересовался девушками, а поскольку в учебке их не было, то рассказами о них. Интересные рассказы были, поведаю позже один из них.

Национальные меньшинства или «нацмены», в нашем кружке представляли трое. Армянин Варданян, чеченец Бижук и я, еврей Нафталиев, по прозвищу Нафталин. Рубен Варданян учился в МГИМО и вроде бы его никто не отчислял, как-то так у них заведено, что надо отслужить, не знаю для сего, но он оказался в армии. Варданяна все уважали, он тоже был повыше ростом чем все мы, подтянут, говорил по-

что басом и умел заворачивать такие словесные загогулины, что уважительно помалкивал не только замкомвзвода, но и сам Кузнецов.

Умар Бижукhov попал в армию по его утверждению спасаясь от неприятностей, учился он в малоизвестном тогда Московском финансовом институте (МФИ). Кошмар, как его прозвали, был очень хитер, всегда, даже в строю так хитро-хитро улыбался, себе на уме. Он ни с кем не дружил, был физически сильнее любого из нас, даже Голикова. На прозвище Кошмар не то, что не обижался, оно ему даже нравилось.

В наш круг общения, который почти точно совпадал с первым отделением входил еще Алексей Попов из Пскова толстенький, кругленький добряк, он всем помогал чем мог, а мне особенно. Попов единственный с кем я переписывался после учебки и кого пусть и случайно, но все же видел в Москве спустя 15 лет после службы.

Нас всех, только прибывших пригласили пройти в ленинскую комнату. Именно так, пригласили, в дальнейшем применительно к ленинской комнате мы употребляли глагол «загнали». В этой светлой и просторной комнате почти ничего от Ленина не было, ни бюста, ни портрета, на дворе был июль 1987 года. Среди нас, новобранцев, затесалось два сержанта, их форма выгодно выделялась на фоне нашей гражданской одежды. Об этих сержантах разговор впереди и разговор особый. Пока же перед нами выступал живчик-майор,

невысокого роста, ладный, подтянутый. Это командир роты, Марочкин Владимир Борисович.

Когда командир представился мне стало немного не по себе, дело в том, что того гаденького преподавателя в институте, из-за которого я оказался в армии звали тоже Владимир Борисович. Это история прошлая, к службе не относится, поэтому ее опустим. Но каково опять совпадение! Майора я заранее невлюбил, хотя он этого и не заслуживал. Марочкин выступал долго и обстоятельно, видно, что он тщательно готовился. Говорил он вещи малоинтересные, скабрёзно шутил, предостерегая охотников до женского пола и подробно останавливался на вещах столь очевидных, что не слушал его уже кажется никто, кроме сержантов, те были само внимание.

Наконец монолог закончился. Каждого новобранца стали вызывать в кабинет командира по-отдельности, вызывали по списку, составленному в алфавитном порядке, так первым пошел Варданян. Тем временем сержанты, пока безымянные стали рассказывать, что и как тут устроено в армии, уже более конкретно. Первое что мы усвоили, это то, что после бани нам дадут форму, а вот гражданские вещи мы должны упаковать в выданные холщовые мешки и бесплатно отправить домой. Это вызвало удивление. Зачем? Всем известно, что на призыв в армию идут в самом последнем рванье, которое не жаль выкинуть, поскольку чуть более приличную одежду все равно отберут деды. Но здесь в учебке дедов не

было, а начальство дало указание непременно отправлять вещи домой, чтобы народу стало ясно, что в армии царит порядок и никакие деды ничего тут отобрать не могут.

Я показывал свои равные китайские кеды, точно такие же, но новые, я оставил в общежитии дожидаться дембеля, старую линялую майку, на которую пять лет назад я при помощи самодельного трафарета нанес логотип чемпионата мира по футболу в Испании, разорванные в паху брюки, почему-то все мои брюки начинали рваться именно с этого места, доказывал, что это мне не нужно, можно выкинуть, ни в какую, хоть что-то, но должен отправить, такой порядок. Ну что ж, отец отстоит в очередь на почте, получит это тряпье и также как и я удивится.

Когда в кабинет вызвали меня я решил отыгаться на этом Владимире Борисовиче за того, что остался в Москве. Я вошел, чеканя шаг, и четко, по-военному доложил:

– Здравия желаю, товарищ командир, солдат Нафталиев прибыл!

– К старшему следует обращаться по званию, товарищ майор, - Марочкин снисходительно улыбался, показывая на свои погоны, - товарищ командир это говорили в гражданскую войну, когда званий не было. Солдат говорить тоже неправильно, это устаревшее, твое звание рядовой. Запомни.

Я не смог удержаться от ехидной ухмылки, хотелось разозлить таким издевательским обращением, а вышло еще лучше, и удовольствие получил, и майор так и не понял, что я

это специально. Потом еще рассказывал взводным, как же, какой-то абрек с гор, посмотрелся фильмов про гражданскую войну. Мне Кузнецов это поведал, он-то понимал, что я за полгода на военной кафедре уж как обращаться по званию точно выучил.

Как я говорил остригли нас всех под ноль, и тех, у кого длинные волосы, и тех, кто коротко постригся заранее. Всех под машинку. Стриг нас толстый здоровый казах, потом выяснилось, что он не казах, а монгол, настоящий монгол, он потом у нас в наряде капитаном Немо был. Но это потом уже, сильно вперед забегаю. А отчего забегаю? А от того, что охота рассказывать интересные вещи, а увяз в рутине, но без рутины тоже никак, так что пойдем дальше.

Постригли и в баню. Баня странная, очень маленькая и очень неблагоустроенная для такой большой учебной части. Потом объяснили, что тут проходят санобработку новобранцы, нормальные солдаты потом моются в нормальной бане. Ну ладно, пусть санобработка, хлоркой не посыпают и то хорошо. Маленькая комнатка, где нам всем надо было раздеваться, сделать это можно только по очереди, затем душевая, поверху идет труба с горячей водой, в ней дырки, оттуда и льется. Четыре струйки на шестнадцать человек. Один намокает, потом он мылится, второй намокает. Далее передвигаются дальше, тот, что мылился опять под воду и так далее. Мыло хорошее, белое, «детское» написано, я думал, что хозяйственное дадут, но его тоже только четыре куска, значит пе-

редавать из руки в руки, положить некуда. Вода горячая, холодной нет, но не кипятком, терпимо. Так мы за десять минут все и помылись, сержант в открытую дверь наблюдал и подгонял.

Вымылись, вернулись в предбанник, там тот самый сержант уже нас ждет, разложены комплекты белья, синие сатиновые трусы и зеленые майки-алкоголички. Размеры разные, но тут какой достанется. Ребята менялись, выбирали, я надел первое что попало под руку. Уж очень меня с любопытством оглядывали все, кроме Олега, тот-то в общежитии к общим душевым кабинам привык, да и меня видел голым не раз. А остальные... А что вы хотели? Я еврей, к тому же из Баку, конечно, обрезанный, там эту процедуру в больнице делают, вполне официально. Не виноват я что вы обрезанный член никогда не видели. Ну посмотрели и будет, пошли форму получать.

Форму выдавал старшина, прапорщик такой-то, его иначе как старшина никто не называл, фамилия была ни к чему. Здоровый мужик средних лет. Он сидел на стуле посреди казармы (до казармы мы так и шли в майке и трусах и в взятых ранее в казарме шлепанцах). Вокруг старшины лежало несколько мешков с обмундированием. Мы стояли полукругом, как и было велено, сняв тапки, босиком.

Сначала старшина выдал нам портянки, сделал он это как-то брезгливо, сунул руку в мешок, выхватывал наугад несколько пар и швырнул их в нашу сторону, указывая ру-

кой, мол разберите по паре каждый, что мы и сделали. Полотняные портянки, такие длинные, что казалось можно замотать ногу до колена на нас произвели удручающее впечатление. Мотать их не умел никто, а старшина не посчитал нужным показать.

Затем из мешка извлекались составные части того, что именовалось ХБ, то есть обмундирование хлопчатобумажное, брюки и гимнастерка. Все новое, с блестящими пуговицами, с карманами, в мешке это добро лежало кучками по несколько штук, стянутыми полосками ткани, в каждой кучке свой размер. Те, что побольше старшина кидал туда, где стоял Голиков или Варданян, те, что поменьше кидал в мою сторону или Васе Моисееву, словом, распределял по размерам. И брюки, и гимнастерки. Ждал, когда мы наденем все это добро, если надо велел меняться, но то, что из мешка вышло наружу обратно в мешок уже не возвращалось, не одному, так другому оно обязательно приходилось в пору.

Пилотки и ремни, как универсальные предметы гардероба никак не распределялись, каждому по штуке дали и носи на здоровье. Хотя для точности скажу, что пилотки-то разных размеров бывают, от 54 до 62, мне повезло в той куче 58 размеров, что вынул старшина была одна 60-го, я ее и прибрал, голова у меня большая, а волосы подрастут так вообще не натянешь маленькую пилотку. Остальные довольствовались тем, что есть, ремни точно все одинаковые, дерматиновые, с тусклыми бляхами.

Самое важное старшина приберег на конец. Обувь. Сапоги! Сапоги солдатские кирзовые, не в пример яловым или хромовым выглядят ужасно и носятся мало, по уставу 8 месяцев, потом все, на выброс. Но и эти месяцы надо проходить так, чтобы не натереть себе мозоли. Мозоль в армии это все, считай инвалидом стал. Я чрезвычайно и заслуженно горжусь тем, что за два года службы в армии у меня не было ни одной мозоли. А секрета тут два, первый, не надо бегать в сапогах (ниже по тексту станет понятно, как этого добиться) и второй, сапоги должны быть подобраны идеально по размеру.

Вот этим подбором по размеру наш старшина и занимался. Он вынимал из мешка сапоги, связанные попарно у голенища бечевкой за специальные петли, внимательно из разглядывал, вертел в разные стороны, потом окидывал взглядом всех нас, смотря на ноги, и безошибочно швырял пару тому, кому она была в самый раз. И ни разу не ошибся, а ведь сапоги помимо размера колодки имеют еще и три размера ширины голенища.

Того кто получил сапоги сержант, маячивший все время где-то позади, тут же выводил из круга и отводил к кроватям, выделяя ему ту или иную по его сержантскому разумению. Эти сапоги, что кинул в мою сторону наш старшина в учебке я пронесил вместо положенных восьми аж тринадцать месяцев и выкинул их только на полигоне в Казахстане, когда они просто развалились на моих ногах. Я очень ценил эти сапо-

ги, их будто сшили по моей ноге, даже заматывать портянки не приходилось, я просто совал их кое-как в сапоги вместе с ногами и отлично. Никаких мозолей, правда я и марш-броски не бегал, а потому что в отличие от остальных, знал, что такое тревожный дневальный, и когда распределяли тревожный наряд записался в дневальные. Дневальным никто быть не хочет, но нужно понять простую вещь, когда весь батальон убегает по тревоге в лес, в казарме остается тревожный дневальный, который никуда не бежит, а курит себе потихоньку, отдыхает, ведь в казарме никого нет, ни сержантов, ни офицеров. Вот что такое тревожный дневальный.

Одетые, обутые, обустроенные на ночлег мы были на некоторое время предоставлены самим себе, собрать посылку домой с вещами, обязательно написать письмо, указать адрес прохождения службы. Конверты выдавались тут же, потом было сказано их можно купить по одной копейке за штуку, письма из воинской части и в воинскую часть были бесплатны, марок не требовалось.

НОВОБРАНЦЫ

На дворе уже было одиннадцатое июля, призыв, по сути, завершен, а в роте почти никого, мы, несколько прибывших ранее, человек двадцать пять-тридцать, а должно быть больше ста, это я точно знал. Потом нам сказали, что формировали специальный выпуск для усиления войск ПВО, не зря же главкома сняли после того приземления на Красной площади, данный участок нужно было укрепить, отсюда и студен-

ты МГУ, МГИМО, МФТИ, МВТУ и других ведущих ВУЗов страны, отсюда и такое обилие москвичей и отсутствие нобобранцев из Средней Азии, Закавказья, вообще все больше народ был из крупных городов.

Этот вечер после ужина был посвящен нашим хлопотам по обустройству, нужно было вникнуть и понять, что к чему и что с чем. После ужина, а описание процесса принятия пищи еще впереди, на авансцену вышли наши сержанты, ведь учили, показывали и рассказывали именно они. Пора их представить.

Заместитель командира взвода, сокращенно ЗКВ, или «замок», сержант Андреев. Убейте меня, я не знаю, как его зовут, может и знал раньше, но забыл, мы его имя никогда не упоминали, сержант Андреев и все. Да и порой просто сержант, ясно о ком речь. Высокий, стройный, мускулистый, я бы даже назвал его красивым пока меня сослуживцы не слышат. Все в нем хорошо, но глуп, увы, а те, кто думают, что сержант и должен быть такой туповатый солдафон сильно ошибаются. Сержант Андреев был родом из Душанбе, он очень любил хохму, которую я уже приводил ранее, «спустился с гор за солью, а его в армию призвали», он употреблял ее применительно ко мне, говорил в адрес Варданяна, никак не складывая в уме, что мы-то как раз из Москвы, где сплошная равнина, а горы-то именно что в Душанбе. Смеялись мы, а сержанту нашему и невдомек.

Гонял он нас и в хвост и в гриву, да только гоняй не гоняй,

Попов как подтягивался три раза, так больше и не стал, то же и остальные. Не мог никак сержант Андреев взять в толк, что мы особый призыв, башковитый, строевая, физподготовка, даже знание уставов у нас будут не на первом месте, мы предназначались освоить новую технику.

А вот второй наш сержант это все понимал. Он сильно отличался от Андреева. Он бы эстонец и все мы хорошо знали не только его имя, но и отчество. Звали его Касенийт Аарно Уунович и был он из Тарту, где закончил не знаменитый университет, нет, а какой-то лесотехнический что ли институт, там не было военной кафедры и после окончания его призвали, а тут сделали сержантом. Был он тоже выше среднего роста, я так думаю, что в сержанты в учебке брали именно таких, рослых, приятен лицом и говорил с сильным и характерным эстонским акцентом, передать который я не берусь, но полагаю, что читатель понимает, о чем речь.

Сержант Касенийт не занимал никакой заметной должности, никогда нас не муштровал на плацу, к проверке внешнего вида относился по казенному деловито, но без фанатизма, но зато вел занятия по специальности, а по большей части учился сам, что-то сдавал, куда-то ходил в город, ему предложили отучиться по окончании службы еще три месяца и сделаться офицером запаса, и он согласился. Мы застали именно этот период, поэтому в основном нами руководил Андреев.

Как мы не выбирали себе обмундирование, что швырнул

нам старшина, то и взяли, так не выбирали мы себе и койки, куда ткнул сержант, там твое место. Но старшина был умный человек и знал свое дело, поэтому выданное им было по размеру и носилось долго, умел он и расставить людей на свои места. А сержант не был умен и должность эта была не для него, жизненного опыта у него тоже не было, поэтому он указал нам с Моисеевым на соседние кровати, так мы стали самыми близкими соседями на четыре месяца. А ведь меня с Васей никак нельзя было устраивать рядом, нужно было кого-то из нас заменить хотя бы Голиковым, кем-то помолчливее, ан нет, сержант Андреев устроил двух самых говорливых рядом, даже прохода между нами не было, стык в стык стояли кровати.

Со временем мы наострились водить Андреева за нос, тщательно имитируя что мы спим, и он уходил к себе в каптерку, тут-то мы и давали волю языкам. Рассказы наши продолжались, порой по часу после отбоя. То, что рассказывал мне Моисеев я обязательно приведу ниже, когда дойдет до этого очередь, не буду нарушать хронологический порядок.

Обмундирование выдано, койки определены, сидеть на них не положено, но мы сидим, пока мы не вполне солдаты, пока мы еще без погон, хотя на довольствие нас уже поставили, отвели строем на ужин, если это можно назвать строем, скорее стадом. Сейчас самое главное надо пришить погоны, петлицы и подворотнички! Погоны и петлицы твердые, внутри картон, пришивать их трудно, без опыта и не выходит

ни черта, потом надо вдеть в петлицы эмблему связистов, эдакая раздавленная муха, радиотехнические войска ПВО с эмблемой связистов ходят, хорошо хоть на погоны ничего пришивать не надо, лычек пока, даже ефрейторских никому не положено, а желтые буквы на черном фоне СА пришиты на фабрике. С этим худо-бедно справились, один раз погоны пришиваешь и надолго, до зимы точно, пока ПШ (полушерстяное) обмундирование не выдадут, или пока звание не дадут, что раньше наступит. А вот подворотнички! Их-то как выяснилось надо пришивать каждый день! Все эти 730 или 731 день, что ты в армии!

Подворотнички это и тогда было настолько необычно и удивительно, а спустя десятилетия кажется еще более экзотичной вещью, что нужно на этом остановится подробнее. Воротнички, манжеты, манишки, что-то из начала XX века, не правда ли? Смысл ясен, воротник пачкается быстрее всего, а стирать трудно, тяжело, надо идти на реку, зимой к проруби, так не стирать же всю рубашку. Почему этот анахронизм сохранился именно в армии аж до конца века понятно, хотя уже давно стирали в прачечных машинами, никто солдату гимнастерку стирать не будет, и у самого у него времени нет, только изредка, раз в месяц, а воротничок держать надо в чистоте.

И вот такой порядок. Хочешь покупай готовый подворотничок, пришивай к гимнастерке, потом отпарывай, стирай, суши, гладь и снова пришивай, а хочешь купи кусок белой

материи, рви, складывай в несколько слоев и после использования выкидывай, стоит это добро не дорого, но сколько мороки! А не будешь этого делать сержант проверяет каждое утро и у кого грязный подворотничок, наряд вне очереди, неприятно, а в части, ну это уже потом, никому толком дела нет до твоего подворотничка, да только баня раз в десять дней, стрептодермию получить от грязного подворотничка запросто, так что приходилось менять каждый день.

Погоны пришили, с подворотничками разобрались, теперь, сказал сержант, надо чистить сапоги и бляху на ремне. С бляхой многие знакомы были и раньше, про пасту ГОИ знали, ГОИ это, аббревиатура, объяснили нам, а не указание на то, что эту пасту придумал Франциско Гойя, сапоги чистить тоже казалось не бином Ньютона. Но глядя на свои, только что полученные сапоги и на те, что носил тот же сержант никак не верилось, что сделаны они на одной и той же фабрике из одного и того же материала. У нас у всех сапоги тусклые, а у него блестят, словно лакированные. Достигается длительным усилием, оказалось, никакого секрета нет, драишь их трижды в день прикладывая максимум усилий, потом и у нас так блестели, а бляху и пуговицы драить надо каждую свободную минуту, так вот.

И последнее что проверяют на утреннем построении, это чтобы солдат был тщательно выбрит. Лично для меня тоже достаточно утомительная процедура, мне-то надо каждый день бриться, иначе видна щетина, зарастаю быстро, даже к

вечеру уже, не то, что остальным, раз в три дня, и нормально, а Моисеев вообще только по субботам брился, удобно, время не теряется. Да и тщательно побриться лезвием Нева ну никак невозможно, тупое оно, не всегда другое достанешь, опять морока. На подготовку к утренней поверке мне всегда нужно было больше времени, хорошо, что после учебки я и словосочетание такое забыл, утренняя поверка.

День подошел к концу, легли мы спать гораздо позже отбоя, что назначен в двадцать два часа, но зато полностью готовые к завтрашнему дню. Все пришито, прилажено, все места разобраны. Дневальный из тех, кто приехал ранее достоин на тумбочке до восьми утра и наконец сменится, рота пополняется будет кому дневалить. А сменят его рядовые Нафталиев и Моисеев, так решил сержант, может он поэтому нас рядом поселил, а скорее потому нас вместе в наряд и отправил, что кровати рядом, легче запомнить.

В шесть утра предыдущий дневальный с каким-то остервенением заорал на всю казарму «Рота, подъем!» и это так подействовало на меня в первый раз, что я потом сколько не был дневальным никогда так не кричал, хотя с голосом у меня было все в порядке, крикнуть мог. Спать хотелось, но все вскочили молниеносно, оказалось, что одеться за пресловутые сорок пять секунд не так уж и трудно, даже легко, самое долгое это пуговицы застегивать, так это на ходу можно делать, главное ноги в брюки, руки в гимнастерку, сапоги напялил, ремень, пилотку схватил и бежать, я и в тридцать се-

кунд укладывался. Сбежал с лестницы вниз, и вот ты уже в строю, застегнул что надо, поправил ремень, надел пилотку и готово! А летом в учебке утром строились зачастую по форме одежды номер два, то есть без гимнастерки, и того легче.

Сначала после построения мы шагом и не в ногу шли в туалет, это был ряд выгребных ям на улице, оборудованных правда и крышами, и проходами, но, по сути, выгребные ямы. В казарме были оборудованы только писсуары, а если что посерьезнее, то надо идти на улицу, там в углу военного городка эти туалеты на 30-40 посадочных мест. После туалета зарядка, то есть сначала пробежка, а потом зарядка. Пробежка в город, шесть километров, для моего неприученного к таким упражнениям тела это было слишком, и я как правило терялся в дебрях туалета, все убегали, а я оставался. То же проделывал и Олег, его взяли в другую роту, как я и предполагал и мы виделись только утром, стояли те полчаса что наши роты бегали, курили и вспоминали институт, общежитие, гражданскую жизнь.

Вскоре маневр мой раскусили, раз или два мне пришлось бежать со всеми, я думал, что отдам концы, несколько раз хотел уже упасть от бессилия, выбирал место поудобнее, но сержант Андреев упирался рукой мне в спину и так я добегал до финиша. Мириться с таким издевательством над организмом я не мог и сделался уборщиком плаца, что подразумевало подъем на пятнадцать минут раньше, но избавляло от утренней зарядки.

Потекли дни службы, пока бесцельные дни, занятий не было, рота еще не сформировалась, мы и остальные прибывающие еще не прошли так называемый курс молодого бойца, не приняли присягу, поэтому занятия были только физкультурой и строевой подготовкой. Это выматывало физически, но не задевало меня психологически, все это я знал и умел. Как нужно при движении в колонне повернуть направо по команде «Напра-во!» и по команде «Левое плечо вперед» я знал. И в том, и в другом случае надо повернуть направо, но повернуть по-разному.

Днем у нас не было времени ни на что, даже законные тридцать минут после обеда и перед отбоем уходили на всякую ерунду, типа тех же подшиваний, приведения формы в порядок, чистки, стирки иной раз. Большинство писало письма, я пока нет. О том, чтобы что-то читать не могло быть и речи. А вот вечером после отбоя мы очень неплохо беседовали. Превалировали две темы, самые дорогие, самые желаемые для любого солдата – еда и девушки. Еда на первом месте.

О еде говорили больше, потому что молодые еще растущие организмы, к тому же после активных физических занятий, конечно постоянно требовали пищу, а ее не было, не считать же за еду эту «дробь 16», что вываливали каждый день из нетронутых бачков свиньям, или жесткие куски сала политые растопленным гидрожиром, которые есть было решительно невозможно. 20 грамм масла и пара кусочков са-

хара с хлебом это, по сути, была вся наша еда, моя точно, пробовал иногда есть суп, удавалось не всегда.

Белорусы убедительно рассказывали нам, что картошку надо жарить по науке, а настоящие драники всегда на вид серые, неправильной формы и непривлекательные, зато вкусные. Потом они, их было двое, привели рецепт холодника с жаром доказывая, что это не свекольник, что-то говорили о других блюдах, совершенно загадочных, я запомнил слово мачанка.

Варданян рассказывал, нет, не об армянской кухне, о ней он не имел никакого представления, а о посещении с отцом ресторана индийской кухни «Джалтаранг», что на Чистых прудах. Там якобы подавали рис с какими-то твердыми зернышками, как-то по-особенному приготовленный и во что верилось с трудом, кофе с корицей. И Кирилл, и я, и другие знатоки кофе качали головами и никак не могли поверить, что можно в кофе насыпать корицу и это потом пить.

Бижук только раз взялся что-то говорить на тему еды, что-то о жаренных на шампуре бараньих семенниках, чем вызывал всеобщий ропот, есть бараньи яйца, а рассказчик дошел до того, что и член бараний едят, никому не хотелось, даже представить было противно, и Кошмар перестал участвовать в этих рассказах.

Попов был застенчив и никаких особых блюд не знал, остальные тоже не очень участвовали в этих беседах, а вот вторая тема разговоров в казарме после отбоя, о девушках,

имела больший успех, тут участвовали все, пожалуй, только я отнекивался, отказывался и мне это удалось. Кто-то рассказывал вполне целомудренные рассказы о том, что его ждет невеста дома, кто-то не был столь категоричен и говорил просто, девушка, об этих рассказывали много и охотно, с подробностями, как звать, как познакомились, желающие могли посмотреть даже фотографию, ее пускали по рядам коек и рассматривали при свете зажженной спички. Но никакие шуточки, не дай бог пошлости, и интимные откровения тут не допускались, поэтому эти рассказы были неинтересны. Девушки на гражданке не было только у меня и Моисеева. У меня от недостатка, у Моисеева от избытка. Я потому всячески и отнекивался от рассказов такого толка, мне нечего было поведать, только если выдумать, а этого не хотелось.

А вот Вася Моисеев и рассказывал с охотой, и имел что рассказать, и подробности там были такие, что потом и бром, который вроде бы подмешивали в чай не помогал. Вася Моисеев был может рассказчик не самый лучший, мне пришлось подвергнуть его рассказ художественной редакции, но он имел фактуру, имел что рассказать. Начинал он тихо, рассказывая свои приключения только мне, почти на ухо, но потом я убедил его выпустить их в эфир, на всю казарму. Успех был огромный. Один рассказ я приведу ниже, я его немного улучшил, обработал, убрал скабрёзности, но суть происходящего, факты остались. Рассказ будет от первого лица, го-

ворит Вася Моисеев.

РАССКАЗ

В школу я пошел сильно раньше семи лет, как так родители устроили не знаю, но из-за этого в армию меня призвали только сейчас, после второго курса, а не первого, как всех. Еще на первом курсе староста наша, Надя, она не героиня истории, но играет свою роль, поэтому про нее говорю. Так вот староста устроила во втором семестре такое мероприятие, москвичи приходят в гости в общежитие к нашим одногруппникам. Ну там познакомиться поближе, задания удобно вместе делать, тусовка короче. И нам понравилось это. Ты-то в общегаге живешь, что непонятно или забыл в соседнюю комнату зашел, спросил, а мне каково дома одному эти дурацкие ДЗ делать, я часто в общегагу приезжал потом, мать пирог испечет я беру и еду, с угощением, меня и принимают хорошо. Где пирог, там и сто грамм иной раз, но это ладно, не об этом, я учиться приезжал.

Ты вот в «Г» корпусе жил, а наши в «Б», значит через дом от тебя, места эти знаешь, сколько там до института нашего, минут пять-семь пешком, удобно, я после занятий часто ходил, примелькался. А тут значит в этом году староста опять бурную деятельность развела, второго марта проводы русской зимы, напечем блинов, отметим всей группой вместе и москвичи и иногородние. Почему второго марта? Это же понедельник. Недоумевали мы, а потом поняли, в выходные не соберешь москвичей и общежитские многие разъез-

жаются, кто недалеко живет, вот как Надя наша, староста, я не сказал, она-то из Коврова, живет в общежитии, но на выходные уезжает. Поэтому в понедельник. Блины я печь не стал, пусть девушки пекут, взял бутылку грузинского полусладкого и поехал.

Пить я не собирался, бутылку так, для девушек брал, у нас-то не как у вас, девушки в группе есть и ничего такие, не крокодилы, как у вас, хе-хе. Для меня из этой троицы вино, карты, женщины, вино всегда на последнем месте, не нахожу я большого кайфа от этого. Собрались после занятий, стали делать что по учебному плану положено, месяц еще с начала семестра не прошел, мы быстро все сделали, с опережением даже, доволен я, посидел еще с ребятами, зима, темнеет рано, думаю надо потихоньку выдвигаться. Вдруг прибегает парень наш один, говорит девочки там стол накрыли, пойдете, делу время уделили, теперь надо потехе час предоставить. Сидим за столом, в тесноте, да не в обиде, голосим каждый о своем, выпиваем и закусываем, огляделись, а где же Надя наша, староста неугомонная? Нету. Вышли в коридор на перекур, кто-то вызвался подняться на четвертый женский этаж выяснить почему на торжествах, посвященных проводам русской зимы нет старосты нашей группы.

Много народу в курилке, курение это же как грипп, заразно, один вышел, тут же и весь этаж, курящая его часть, собирается. И подходит к нам девица, с другого потока что ли, а может и с другого курса, я ее не знаю в лицо, а так-то я

многих знаю. Подходит и говорит, я услышала ваш разговор, я живу с вашей Надей в одной комнате, она не приехала из дома еще, как в пятницу вечером уехала, так и не было ее еще. Мы переглянулись, никто и не заметил, что старосты в институте с утра не было, вот те раз. И сразу про Надю нашу забыли, стали разглядывать эту соседку ее.

Высокая, выше меня ростом, волосы черные-черные, я таких и не видел, ну негры там или армянки не в счет, а у русских не видел таких черных волос. Может отец у нее армян, не знаю, с виду русская. И платье на ней такое же черное, вязанное, натурально, как будто на спицах вязали, я разбираюсь, у меня мать вяжет, крупная вязка, такие платья лет 15-20 назад модны были, сейчас уж почти не носят, а она вот носит и ничего, идет ей. И на ногах у нее колготки или чулки, не знаю, чулки вроде сейчас не носит молодежь, значит колготки, они у нее тоже черные, и под платьем тоже что-то черное надето, комбинация может, белье не просвечивает, а должно бы, платье дырявое считай. Тапки на ногах правда рыжие, и курит она черные сигареты, не совсем черные, коричневые, ну ты знаешь, импортные.

Докурили мы, расходимся, девица эта, Света, она так и не представилась, я потом сам спросил, трогает меня за локоть и говорит, вы же Василий, пойдете со мной, там Надежда вам кое-что передать просила. Я приятно удивлен, староста меня о чем-то просит, это уже хорошо, такая красивая девушка зовет меня пройти с ней, это вдвойне хорошо, а

вдруг?! Эх, знал бы я тогда, чем этот визит обернется, может и не пошел бы, побоялся. Оказалось, что наша Надя, видимо заранее знала, что не приедет, а отменять или переносить мероприятие не хотела, и велела она своим соседкам подкараулить меня, а может не обязательно меня, а кого-то, кто подвернется, и заставить сделать эти ДЗ и для нее тоже, пока ее нет. Хорошенькое дело!

Но отказываться я не стал, смекнул, что староста в должниках мне еще пригодится, как это все делать я вроде понял, себе же сделал, ну и ей значит смогу, заодно закреплю знания. Сказать легко, а сделать нужно время. Света ушла, сказала не буду вам мешать, больше никого в комнате не было. Я обратил внимание, что в комнате два стола, тот, что поменьше как будто письменный, за него я и сел, у стены, между кроватями, лампа дневного света под полкой книжной приделана аккуратно над столом, светло, удобно. Второй стол как бы обеденный у окна и на нем стоит небольшая ваза с сухими цветами, стеблями какими-то, икебана называется, вспомнил. Рядом бутылка с чем-то зеленым внутри, фабричная бутылка, на какой-то спиртной напиток похоже. Не стал я вставать разглядывать, время поджимает, уже поздно, ехать мне далеко, на улице мороз, трамвай пока дождешься, потом метро с двумя пересадками, потом там у нас в Теплом стане пока доберешься. Пишу нашей Наде ДЗ.

Не прошло и получаса, не сделал я и половины того, что надо, дверь открывается и входят все три жилицы. Возглав-

ляет шествие Света, я на нее уже посмотрелся, хотя она и очень красивая, остальные ей уступают, а все равно смотрю в первую очередь именно на двух остальных, эту-то я уже видел, вот как психика устроена. Вторая Алла, эти сразу же представились, спортивного вида, немного крупная, и черты лица великоваты, зато губы полные, сочные, так и тянет чмокнуть. На ней короткая, выше колена, плиссированная юбка и облагающая водолазка, подчеркивающая ее большой бюст. Тоже ничего, скажу тебе, очень даже. Третья мелкая совсем, сантиметров на десять меня ниже, про таких говорят, «ни кожи, ни рожи». Зовут ее Вика, она тоже могла бы быть весьма миловидной, несколько портил ее заостренный подбородок, но и это не беда, если бы эта Вика не была так по-дурачки одета. Какой-то балахон сверху, скрывающий и без того не выдающуюся грудь, и какие-то лохматые вельветовые брюки в крупный рубчик цвета детской неожиданности, как говорила моя бабушка.

Входят значит, хотел сказать, как к себе домой, хе-хе, они и были у себя дома, садятся за второй стол, достают какие-то сладости, кажется зефир в шоколаде, еще что-то, разливают зеленую жидкость по рюмкам, чокаются и пьют. Что такое? Оказывается, у одной из них, у вот этой мелкой день рождения, ну да, второго марта как раз, завтра с утра на занятия, поэтому они скромно так посидят сами с собой, вам, говорят мы не помешаем, пишите. Вот еще, думаю я, какие нахалки, сами пьют, а я тут их Наде ДЗ делай. И только я так поду-

мал та вторая, Алла, она самая разговорчивая из них была, приглашает и меня, совестно стало. Может, говорит, присоединитесь, поздравить именинницу, так сказать. Конечно, я охотно присоединюсь! Второй раз звать не надо.

Обстановка за столом какая-то неловкая, разговор не клеится, напиток этот зеленый оказался мятным ликером «Шартрез», гадость изрядная, пью я его и понимаю, что время тикает, эдак и на автобус уже не успею, а от Беляево мне топтать до дома с час наверное, метро-то у нас только к 70-летию Октября планируют открыть, слышал? Ну думаю, пока дойду лягу спать уже и вставать на занятия надо. И опять эти три девицы под окном словно читают мои мысли, та, что главная у них, Света, говорит спокойно так, оставайтесь тут ночевать, вот на Надину кровать и ляжете, ей же ДЗ делали, так что она возражать не будет, только доделайте. Вот вам плед, укроетесь, спите не раздеваясь, вам, наверное, не впервой спать в спартанских условиях. Я раздухарился, говорю и на полу могу спать и без матраса вовсе, на полу говорят не надо, места нет, вот кровать.

Я, понятно, рад, домой не ехать, завтра в институт не тащиться, уж поем в столовой с утра как-то общежитские же завтракают, да и девушки опять же, ликер, теперь можно не торопиться, матери только позвонить надо, внизу на вахте автомат висит. И опять, что ты будешь думать! Достают они бутылку вина Арбатское, фужеры, раз говорят вы остаетесь с нами, выпьем вина. Опять значит они мысли мои угадали, да

их угадать-то не сложно на самом деле, думал я только о том, как бы мне остаться один на один с какой-нибудь из них, хоть с какой, даже, пожалуй, с Викой-то и лучше. Разлили вино, не в стаканы абы как, фужеры у них, не хрустальные, обычные, но все равно, приятно, красиво, вкусно! Света говорит, давайте перейдем на «ты» мы же с вами ровесники, и уже вроде как неплохо знакомы, как раз вот выпьем на брудершафт, вы знаете как это. Да я знаю, выпили, про то, что после целоваться принято я молчу, она сама, чмокнула в щеку и то спасибо. И говорит пейте до дна, выпил. Потом вторая, потом третья, со всеми расцеловался, но так, по-дружески.

Ты смотри, не засыпай, это я тебе еще не начал историю рассказывать, это пока предисловие только, самое интересное потом началось, слушай. Ты, говорят, Вася, мы же на ты теперь, ложись, а мы свет выключим и пойдем в душ, там то се, у нас свои процедуры, пока вернемся верно ты и заснешь и нас смущать не будешь. И ушли. Заснешь тут, как же.

Лежал я без сна долго, минут тридцать, пока дверь не отворилась и в проеме я не увидел меньшую их, Вику, зажмурил глаза, спящим прикидываюсь. А лежу я так, что как дверь открывается свет прямо на меня, на лицо, а Вика эта туда-сюда раз сто ходила, в шкаф лазила, шуршала, я глаза не решаюсь открыть посмотреть, все мне кажется, что она где-то рядом и смотрит на меня, ну бог с ней, думаю отвлечься надо и тут хлоп! Кто-то сел на кровать рядом со мной.

Умом я понимаю, ну кто сел, кому еще сесть как не ей,

этой маленькой плутовке, молчаливой и загадочной. А подсознание говорит, не может быть, откуда у тебя такое счастье. Я и рта раскрыть не успел, Вика моя, впрочем, тоже молчит, но действует уже безнаказанно и к чему дело идет понятно. Штаны с меня стягивает и руками, и зубами вцепилась, чуть не рвет, я уже глаза-то открыл, скрываться ни к чему, но сам ей не помогаю, веришь ли, одеревенел весь, пошевелиться не могу. Там, где надо тоже одеревенело, а она как добралась, так давай мять, крутить, сжимать, зачем не пойму, нравится ей. Потом смотрю, точнее чувствую, не видно толком ничего, у них и шторы на окнах, все как у людей, презерватив она мне уже надевает, вот это да! Быстро она это сообразила, теперь брюки свои дурацкие поспешно стягивает и на меня взбирается. Я было рывнулся привстать, тоже раздеться надо, какое там, толкнула рукой в грудь, лежи мол и сама все сделала. Такое родео устроила, я-то выпивший не больно долго мог ее скачки выдерживать, финишировал видно раньше, чем она планировала, подергалась еще немного в ожидании чуда, и недовольная слезла с меня. И напрямик в свою кровать и все, тишина, как будто и не было ничего.

Представь мое положение, теперь уж точно не до сна мне, хорошо думаю никто не вошел в это время, дверь-то она не закрыла, то-то вид был бы как в немецких фильмах. И главное молча все, молча, ни прелюдий никаких, ни ласк, ни поцелуев, не по науке. Я ведь не только практикой, я и теорией этого дела хорошо владею. Лежу, думаю, прикидываю, не

долго так лежу, вскоре опять дверь открывается.

Заходит спортсменка, как я ее про себя прозвал, Алла. Шумно заходит. Свет не включает, но дверь открыто оставила, чтобы значит видно было, тоже туда-сюда ходит, раздеваться стала, я уже посмелее, глаза открыл смотрю. Раздевается красиво, вполоборота ко мне стоит, самый выигрышный ракурс, грудь у нее большая, красивая, все сняла, в одних трусах осталась и идет ко мне. Садится и начинает какой-то сумбурный разговор, вот мол ты не спишь, хорошо, я хотела поговорить с тобой пока никого нет. Что значит нет никого, а Вика-то эта где? Пытаюсь разглядеть, непонятно, то ли ее и правда нет на кровати, выскочила пока Алла туда-суда ходила, то ли она такая маленькая, что незаметно. А Алла знай свое, ты говорит мне сразу понравился, то се, и говорит это все сидя у меня на кровати голая, грудью перед моим носом почти покачивая. Я думаю, хватит ее болтовню слушать и стал грудь ее тискать. А она обрадовалась так, говорит я тебе тоже понравилась, это хорошо, а то я боялась, что не в твоём вкусе. Боялась она, слышишь?

Я и не знаю, что на это сказать, ласкаю ее, возбуждаюсь и тут она просто так, как за столом просят соль передать, говорит мне, «возьми меня пожалуйста». Нет, ты представляешь, пожалуйста?! Я ее значит на кровать повалил, мне уже все равно есть там Вика или нет, если есть пусть смотрит, как надо любовью заниматься. Алла моя буквально не замолкает ни на минуту, трусы говоритними, я давай сни-

мать, нет, с меняними, тьфу ты, ну это-то я и сам бы догадался, а она все подсказывает, советует, охает, ахает, давай еще, давай сильней, шум знатный мы подняли, кровати у них неплохие, не панцирные, но все равно давление существенное, прыгаем мы с Аллой будь здоров. О предохранении эта моя сирена не подумала, ну дело ее, я так вошел в раж, что чуть насквозь там дырку не пробил. И видно, что Алла довольна, и целует, и обнимает, а после встала, халат надела и ушла. Я все жду, когда она вернется и спать ляжет по примеру предыдущей, не дождался.

Опять через те же примерно 20 минут входит уже Света. Даже не входит, как бы wpłyвает, медленно, томно, тихо, дверь сразу же закрывает. Я уже понял, как работает эта программа, морально ко всему готов, но пока только морально. Спящим я больше не притворяюсь, нагло оглядываю Свету с головы до ног, даже ухмыляюсь так понимающе, Света хороша! На ней то ли ночная рубашка, то ли комбинация, шелковая, черная и очень короткая. Она тоже садится на кровать, я двигаюсь, давая ей место, и начинает говорить о совершенно посторонних вещах, о том, что я так и не доделал ДЗ для Нади, нехорошо, о том, что они втроем учатся на одном курсе и в одной группе, а вот Надя одна тут из своей группы, все остальные на другом этаже, неудобно. Потом стала рассказывать, что научилась тут курить, а это вредно, упомянула про раннее вставание завтра на занятия, словом несет черте что. И интересно, что и я нет-нет да и вставляю что-нибудь по

этой же теме. О том, что, судя по всему, мне предстоит и эту фурию ублажить сегодня я уже почти не думаю, и в самом деле, может обойдется.

Ведя такие разговоры, Света тянется к выключателю, щелкает им и загорается лампа-прищепка, светит она не сильно, лампочка в ней совсем слабая 15 или 25 ватт, но что нужно, а именно Свету освещает хорошо. Продумано свет направлен. Разговор продолжается, но вот Света поводит плечиком туда-сюда, шея у нее длинная, красивая, залюбуешься, и ловко так она поводит своим плечиком, что бретелька от комбинации соскальзывает и обнажает одну грудь. Грудь у Светы что надо, не большая и не маленькая, на торчком, и не висячая, грудь высшего класса. Света неловко подняла руку поправить прическу и упала с плеча вторая бретелька, теперь она сидит передо мной по пояс голая и продолжает что-то говорить, что-то несущественное.

Про себя я отмечаю, что начало соблазнения такое же, как и у Аллы, обнаженная грудь, что ж, метод себя оправдывает. При включенной лампе я уже отчетливо вижу, что и Вика, и Алла лежат в своих кроватях, конечно, они не спят, мне кажется, что они сейчас рассмеются в голос, я чувствую себя немного по-дурацки. Как будто поняв, что переигрывать не стоит Света встает и обращается ко мне по существу, правда я красивая спрашивает она и при этом слегка приподнимает свою комбинацию, так что мне становится виден треугольник волос ниже живота, трусов на ней нет. У Светы там

не треугольник, а темная полоска, волосы такие же черные и зрелище меня завораживает, две предыдущие ничего такого не демонстрировали, а ведь мужчина любит глазами. Я охрипшим от волнения голосом говорю, да, Света, ты очень красивая, тогда она поворачивается ко мне спиной, наклоняется вперед к столу, опирается на него правой рукой, левой она приподнимает край комбинации, и смущенно так говорит: «Ты же хочешь меня трахнуть? Ну давай. Только ты же знаешь как надо? Не в меня», и отворачивается, предоставляя мне орудовать сзади стоя.

Все длится довольно долго, по окончании, кажется, все довольны, Света дает мне платок, вытереть те несколько капель, что я выдавил из себя, целует в губы, поправляет комбинацию и ложится спать. Все.

С тех пор я в общежитие больше не ездил, может после армии схожу, интересно будет встретиться с этими девушками.

БУДНИ

Потекли армейские будни. Рассказы свои Моисеев рассказывал много раз, несколько раз повторял и тот, что я привел, он имел большой успех. Я не поверил ни одному слову, однако признавал, что придумано красиво, но придумано, а спустя годы, узнав жизнь прихожу к выводу, что могло быть такое, могло, не один в один как рассказывал Вася, но похожее что-то могло быть и наверняка во многих общежитиях бывало.

К тому моменту, как рота наша укомплектовалась и занятия шли непрерывно, а с ними и наряды, нам уже перестало казаться, что десять вечера, это рано для сна, порой и рассказов никаких не надо, добрался до койки и спать.

Занятия по строевой подготовке были самыми ненавистными для всех. Я их тоже не жаловал, но на первое место по ненависти пропускал занятия по физической подготовке. Ходить по плацу чеканя шаг трудно, добиться слаженности в этом деле еще трудней, выглядит, конечно, красиво. но зачем? Времена наполеоновских войн миновали, быстрые перестроения на поле боя стали не нужны. А мы долбили одно и то же, теряли время на изучение того, что не пригодится уже через пару месяцев. В боевой части уже тогда никто на строевые смотры внимания не обращал, а если и проводил их, то для галочки. А выучить 120 человек так чтобы колонна по команде двинулась одновременно, довольно сложно. Но можно, нас выучили. Все премудрости строевой мы познали в совершенстве.

Физическая подготовка вещь более нужная в войсках, но тоже отнюдь необязательная, особенно для нас, войск ПВО, всю свою дальнейшую службу в части я дальше ста метров от казармы до КП и не ходил, это в пехоте важно, там от твоей скорости и выносливости жизнь зависит, а у нас этого нет. Я не был спортивен, физкультуру не любил, даже подвижные игры не очень. Подтягивался я три раза, как и большинство в нашем взводе, это не было каким-то позорным результатом.

Кирилл или Вася, да и Леха Попов, и другие, да почти все имели в своем активе всего несколько подтягиваний, один Голиков и немного Бижук и Варданян выделялись, как шутил наш взводный, портили статистику. Но сержант Андреев заставлял меня бегать, когда застучает, положено бегать и все.

Не любил наш народ и занятия по уставам, много приходится запоминать, неохота, а я вот любил и хорошо знал уставы, особенно устав гарнизонной и караульной службы, права и обязанности часового, а это целая книжная страница текста, знал наизусть. В том числе и пресловутое «услышав лай караульной собаки, дублировать его голосом». Очень я в караул рвался, особенно хотел на пост номер один, ничего из этого не вышло, на пост у знамени абы кого не ставят. Уставы я знал на пять, но по выпуску из учебки мне поставили три, так надо было, не могли же такого разгильдяя как я с хорошими отметками выпустить. Как тогда объяснить почему звание не дали.

А занятия по специальности мы все очень любили. Тут было два главных фактора. Во-первых, сам предмет изучения, все эти американские ракеты HARM, они тогда недавно были приняты на вооружение, потом наши станции и их секретные названия, все эти термины, такие как, «защита бокового лепестка» или столь любимые в армии аббревиатуры, например ФАР – фазированная антенная решетка. Какому же молодому парню 18-20 лет такое не понравится? Нам нра-

вилось, учились мы по этой теме на совесть. Во-вторых, сама фигура учителя, нашего старлея Кузнецова. Взводный наш был настоящий военный человек, служил искренне, солдат любил, обращался ко всем на вы и называл нас «товарищ курсант», мы же как-никак курсанты учебного подразделения. Это было приятно и повторяю, учились с охотой.

Был еще у нас прапорщик, мы не знали какую должность он занимал, как она называлась, но он часто заменял или скажем так, дополнял старшего лейтенанта Кузнецова. Фамилию прапорщика я не помню, и вот почему. Военные и не только очень любят приводить в качестве примера фамилию Пупкин, например рассказывает сержант Андреев нам как надо докладывать о прибытии, так и говорит: «Подходите к старшему по званию, за шесть шагов переходите на строевой шаг, останавливаетесь в двух-трех шагах, отдаете честь и докладываете, рядовой Пупкин по вашему приказанию прибыл». В таких примерах всегда будет Пупкин, так принято. Прапорщик же наш в подобных случаях употреблял фамилию Мракобесов. Ну вот так ему казалось смешней и оригинальнее, так его все и звали, прапорщик Мракобесов, настоящую его фамилию никто не помнил.

Прапорщик Мракобесов был очень умен, он обладал как мне кажется каким-то философическим умом, место ему было бы где-нибудь среди учеников Канта или Кьеркегора, а не в армии. Он выстроил мнемоническую систему запоминания кнопок на рабочем месте оператора автоматической

системы управления полетами, и заставил нас ее выучить. А кнопок было 17 рядов по 14 штук в каждом ряду. Не буду врать что я умел пользоваться всеми этими кнопками и знал, что они означают, этого не знал, наверное, никто, включая разработчиков, но как называются эти кнопки я знал, все 238 штук. Это была заслуга прапорщика.

Когда выяснилось, что я хожу в самоволки, причем не в первый раз, наш прапорщик пострадал, ему влетело, так как это с его занятий я уходил из части, когда все вскрылось со злости он запустил в меня чернильницей, первым что попало под руку. Я-то увернулся, а вот стекло в шкафу разбилось, чернильница была стеклянная.

Свыкся я с этими занятиями, выучил как себя с кем вести, сержанту лучше на глаза не попадаться, лейтенанту наоборот всячески демонстрировать свое знание, прапорщику отвечать кратко и по существу. Никак не поладил я только с замполитом. Этот холеный капитан был очень большого мнения о себе, а я о нем нет. Рассказывая на политзанятиях что к чему, кто нам враг, а кто друг, он оперировал понятиями по меньшей мере двадцатилетней давности. На дворе был 87-й год, разгар перестройки, а замполит нам талдычит про количество соцстран в мире. По этому вопросу Варданын поправил оратора, он уточнил, что Лаос нельзя относить к соцстранам, а только к развивающимся по социалистическому типу. Человек в МГИМО учится, наверное, ему лучше знать, нет замполит гнул свое, неприятный тип.

На его занятиях я откровенно скучал и от нечего делать рисовал узоры в тетради, решил скопировать надпись с ручки, что отец мне дал перед призывом. Ручка иностранная, надпись на ней по-арабски, вязью, и стержень в ней зеленый, что интересно. Я этой ручкой и писал всю дорогу. И вот списал я надпись, а замполит заметил, чего это ты тут пишешь, а? Я возьми и ляпни, а пишу мол я, вперед братья-мусульмане, под зеленое знамя ислама. Тут крик, шум, шуток замполит не понимает. С тех пор и он меня невзлюбил. Занятия он не часто проводил, но насолить успел изрядно.

С нарядами тоже пообвыклись, ну дневальный, подумаешь, стоишь на тумбочке, орешь отбой и подъем, смотря по ситуации, еще вот «дежурный по роте на выход!» мне нравилось, дежурный, а это кто-то из наших же сослуживцев, кто пораньше призвался и присягу и уже принял, выбегает как заведенный. Будь это настоящий сержант еще веселее нам бы было, но и так хорошо. Полы помыть, порядок в ленинской комнате навести, это не сложно, спать не дают да, зато кормят отдельно, не надо торопиться. Сжились мы словом, в «чепок» стали ходить почаще, деньги есть, никто не отбирает. И как гром среди ясного неба грянуло на нас известие, наш взвод заступает в наряд по кухне. Когда-то это должно было случиться, про наряд по кухне ходили нехорошие слухи, особенно всех пугали дискотеккой, то есть посудомоечным цехом. И обещали что сдавать наряд трудно, следом заступает взвод из другого батальона, мучить будут, тщатель-

но все проверять.

НАРЯД

Заступления в наряд по кухне ждали с некоторым волнением и опаской, но когда он случился сразу наступило ослабление. Чему быть, того не миновать. Наш прапорщик, в присутствии сержанта Андреева собрал взвод в ленинской комнате после обеда. Занятия отменили, завтра в это же время нам предстояло принимать наряд, а сегодня этому предшествовало очень важное мероприятие, распределение бойцов по наряду, кто куда.

– Итак, начнем, - Прапорщик держал на коленях список взвода и ручкой принялся отмечать в нем. Почему-то к столу он не сел, а предпочитал ставить галочки и делать пометки на весу. Внимательно оглядывая нас, он продолжил, – Бижукков помощник хлебореца, – мы ахнули, все знали, что в армии, как и в тюрьме, хлеборец, это первый человек, ну а помощник, стало быть, второй. Прапорщик продолжал, – Варданян лифтер!

Наше недоумение было написано на лицах, недоумение самого Варданяна подкреплялось еще и жестами, он развел руки, призывая нас в свидетели. В столовой не было не то, что лифта, даже второго этажа там не было, куда мог бы вести этот лифт. Мракобесов сделал эффектный росчерк в списке возле фамилии Варданяна, затем решительно повел рукой в сторону от себя, как на знаменитом антиалкогольном плакате:

– Вопросы потом! Далее. Голиков, Головченко, Гонцаревич, подавальщики. Смотри-ка их как раз трое, – Это уже тише, как будто отпуская реплику в сторону, – Логинов, Моисеев, зал, – руководство решило пройти именно по новобранцам, почти каждый из нас заслужил персональное распределение внутри наряда.

– Остальные, в дискотеку, – он сделал смахивающий жест, будто стряхивал с кителя упавший пепел, – капитан Немо, прошу вас!

В углу ленинской комнаты встал тот самый казах, который оказался монгол, что стриг нас в первый день, слегка как будто даже поклонился, достал ручку и бумажку и пошел по рядам записывать фамилии остальных, то есть тех, кого определили в дискотеку. Я прямо-таки обалдел, откуда он взялся, он ведь даже не из нашего взвода, какой такой капитан Немо, ну про дискотеку я немного знал уже, так называли посудомойку, потому что алюминиевые тарелки похожи на пластинки, странное сравнение, но тут много странного. И самое главное, неужели и я с Поповым тоже в дискотеку? Решил дерзнуть и спросить. На завершающее любое выступление начальства «вопросы?» я поднял руку. Но задать вопрос мне не пришлось.

– Ах, да, Нафталиев – коридорный! Все. Обязанности вам расскажет сержант, – и прапорщик был таков.

Бедный Леха Попов попал до кучи в посудомойку. Сержант нам все рассказал, капитан Немо это потому, что кру-

гом вода, все работают одинаково, но капитан Немо главный, он отвечает за качество мытья посуды, а главное за то, чтобы она была подана вовремя.

В учебном полку три батальона, в каждом батальоне 3-4 роты, точно я не знаю, в нашем вроде три было, а в соседнем говорят четыре, это не поймешь тут, я думаю сколько набрали солдат столько и формируют рот. Ну в сумме 10 рот есть точно, по 120-130 человек плюс как говорят тут «приданные силы» командированные, обслуга, постоянный состав учебки, сержанты в конце концов тысячи полторы на круг выходит. А обед длится с 13-00 до 14-00, всего час. Дальше нельзя, график занятий поедет, за час всех надо покормить. Столовая вмещает до пятисот человек, до! Пятьсот туда не влезет, реально четыреста, как раз на четыре смены, каждой пятнадцать минут на обед. А значит и пятнадцать минут чтобы вымыть посуду за четырьмя сотнями человек, на вторую-то смену уже не хватает, а на третью идет то, что вымоет вот эта самая дискотека.

Лифтер это тот, кто выдает тарелки и ложки, вилок тут нет, ножей тем более, все алюминиевое, гнется очень легко, а значит часто выходит из строя. Работы у лифтера не много, это должность привилегированная. Народ судачил, что на две самые блатные должности и попали кавказцы, это мол всегда так, на самом деле, наш прапорщик просто шел по алфавиту. Но и моя должность, как оказалось тоже была не пыльная, а я ведь тоже выходец с Кавказа, так что это только

укрепило догадки. Работа моя предполагалась не хитрая, но неприятная, мыть коридоры. Подробности стали ясны мне уже по факту.

На следующий день, после обеда, ближе к ужину мы заступили в наряд, приняли каждый свой пост. Поскольку опыта у нас не было, мы не докучали придирками и требованием перемыть то или иное, приняли и все. Лично мне было нечего делать до самого того момента, когда после ужина все перемоют, уберут, и освободят помещение, вот тогда наступало мое время. Я должен был вымыть все коридоры во всей обширной кухне. Это не сложно, когда никто не мешает. Не путается под ногами, что там такого вымыть полы, их правда много, полов этих в коридорах, но все равно работы на час-другой. Обидно только что все уже закончили, сидят в казарме, имеют личное время, кто письма пишет, кто покуривает на улице, а кто и сапоги на завтра чистит, наряд нарядом, а утренний смотр никто не отменял. И только я все еще работаю.

Но зато до, во время и сразу после ужина, мне делать было нечего, я слонялся от одних к другим, ознакомился с работой каждого, с особенностями, подводными камнями, взвесил все за и против и скажу так, что даже помощником хлебореза я бы не пошел, не променял свою должность. И как звучит, коридорный! Есть домовый, водяной, из фильма «Чародеи» мы узнали, что бывает и вагонный, а я вот – коридорный.

Кухня на полторы тысячи человек, это конвейер, побывав

внутри я немного понял почему нас так часто подгонял сержант во время приема пищи. Только прозвучало «Старшие столов, встать! Приступить к раздаче пищи!», пока до тебя эта раздача пищи дойдет, а сам ты взять не можешь, каждому кладет старший стола, чтобы значит поровну, пока ты начнешь есть, уже звучит следующая команда сержанта, «Ускорить прием пищи!» а сразу за ней и другая, «Крайние столов, встать! Посуду на край стола!» Вот и поел. Минуты три, ну пять, никак не больше. С тех пор я так и ем, уже много лет, знаю, что это неправильно, да что поделать, привык.

Надо все делать быстро, следом идет вторая смена, потом третья, четвертая, им всем надо есть. Тарелки надо мыть быстро, очень быстро, остатки пищи в ведро, потом это ведро выливают в чугунную ванну, а оттуда уже свиньям. Свиной много в свинарнике, они жирные, время от времени их забивают, для этого тоже специальный человек нужен, с опытом, в нашем взводе конечно таких не было. Однако свинину эту мы не едим, нам ее не дают. Так вот вытряхнул остатки, бросил тарелку в ванну с горячей водой, с кипятком, когда много накидал, кипяток чуть остывает, у алюминия хорошая теплопроводность, это я из курса материаловедения знаю. Выуживаешь эти пачки отмокших тарелок и в другую раковину с холодной водой. Оттуда уже на лотки, вот и вся мойка, губкой или мылом, такого тут нету, разве только котелки от гидрожира отмывать нужно мыло, гидрожир въедливый, а тарелки так отходят. Ложки просто охапкой опус-

каются попеременно в кипяток и в холодную воду и все, вымыто.

В дискотеке вода хлещет отовсюду, и ты стоишь, по сути, в воде, работают как правило по пояс голые, иначе жарко очень, главный на этой посудомойке лицо важное, от его опыта зависит многое, не дай бог сорвать смену, пришли люди есть, сидит батальон, а тарелок нет, скандал. Однако и другие, подавальщики например или те, кто обслуживает зал моет полы, столы, скамейки, тоже важны, их работа тоже нужна и видна. Никто не видит и никого не интересуется только работа коридорного, что он там моет, зачем, когда все ушли, и вот кажется, что коридорный и есть первый лодырь.

Еда в учебке в Ельце была невкусная, да и не еда это была, а так, баланда, никто почти и не ел ее. «Дробь шестнадцать», так называли перловку, я не мог есть уже никогда, даже спустя многие годы, даже вкусно приготовленную, «нет уж, – говорил я если предлагали, – тот, кто служил в Советской армии перловку есть не может». Мяса или там рыбы нам никакой не давали, только жир, куски как будто-то бы мяса, а на самом деле жира, причем готовили их так искусно, что даже наши молодые зубы разгрызать это не могли и полито это было как мы говорили машинным маслом, на самом деле гидрожиром, если повезет комбижиром, за разъяснением разницы я отсылаю читателя к словарям.

То, что в обед подавали на первое, как ни странно, иной раз мы ели, то есть пили, обильно закусывая хлебом. На зав-

трак был какой-никакой чай, с сахаром даже, сколько-ни- сколько масла и хлеб. Пшеничную, ячневую и другие каши, на- звания которых я сейчас не помню, иной раз можно было есть, а если приготовить как положено, то даже вкусно мог- ло быть. Ну а ужин, это просто сладкий чай и все. Так мы и питались, завтрак съешь сам, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу, то есть свиньям. Если бы не «чепок», то есть чайная, а на самом деле буфет, где за деньги есть и лимонад, и сочник, и пирожок с мясом, уж не знаю, как и справлялись бы.

О еде я вспомнил, потому что про столовую заговорили. В наряде мы ели получше чем обычно, не торопились, Би- жуков оделил нас куском масла на всех, заметно превышаю- щим норму, сахара не по два куска, а больше, а хлеба вообще без счета, сколько съешь. Да и чай заварен по-человечески. Не обидел Кошмар нас, и в будущем только его в хлеборезку отряжали, никто это его право не оспаривал.

Три раза после трех приемов пищи мыл я коридоры, мыл на совесть, к коридорам, кстати, прилагался и один туалет, пользовались им не часто, и только повара и офицеры, но все же. Самый трудный был последний раз, ведь нужно сдавать наряд, а как его сдавать, всегда кто-то пройдет после обе- да по вымытому тобой коридору, вот уже и не идеально чи- сто, принимающий еще норовит придрататься. Я его запомнил, жаль не довелось у него принимать наряд, я б ему устроил веселую жизнь. Ну а пока он мне. Не хочет принимать и все.

Вот тут грязно, вон там следы. Так это же твои следы, ты же и прошел тут только что! Вот козел! Ну ладно. Повернулся я демонстративно и ухожу, напевая популярную песню Пугачевой «Найди меня...» Так он меня и не нашел, построение задержали, чуть роту не подняли по тревоге, пропал Нафталин и все тут. Так я и сдал наряд. Когда я нашелся, уже не до наряда было, батальон стоит, ждет. Потом сержант узнал почему я пропадал, похвалил даже, говорит правильно и вообще, когда мы наряд сдаем я всегда на твоей стороне. Потом я всегда так сдавал наряды, просто исчезал из поля зрения. Один раз даже в самоволку пошел, знал, что Андреев искать не будет в это время, так как он на моей стороне.

Худо-бедно отработали мы наряд на кухню, потом еще несколько таких было, в том числе и внеочередной, опыт уже был, легче все это проходило. И я всегда был коридорным, кроме самого последнего раза, это уже после того, как самоволки мои всплыли.

ПРИСЯГА

Приближалось время присяги, курс молодого бойца, рассчитанный на месяц, подходил к концу, все мы узнали, все освоили и всему научились, осталась самая малость, освоить оружие. До присяги непременно нужно съездить на полигон и сделать несколько выстрелов из своего оружия, его номер запишут в военный билет, из этого оружия надо стрелять, с ним же и принимать присягу. Вот такие правила, если подумать в чем-то осмысленные.

У военных культ оружия, это и понятно, а любой культ обычно сопровождается ритуалом, так и с оружием. Не знаю как у офицеров с их табельными пистолетами, а у рядового и сержантского состава оружие передается из рук в руки коротким резким броском, так чтобы одновременно оно находилось только в чьих-то одних руках, протянуть, на возьми, ни в коем случае нельзя, только бросить. Так учил нас сержант Андреев, и научил, называешь марку, номер и швыряешь, аккуратно конечно, с близкого расстояния. Все это было в диковинку, но ритуал понравился.

Я все время пишу «оружие», а не «автомат», как кажется, было бы лучше. Дело в том, что у нас в учебке не было автоматов Калашникова. Как так? Во всей армии были, даже в зарубежных армиях были, а у нас нет. Нам выдали карабины. Самозарядный карабин Симонова, сокращенно СКС и стали мы по выражению Варданяна «карабинерами». Карабин и весит намного больше автомата, и стреляет он только одиночными выстрелами, и обойма у него всего на 10 патронов, еще 20 приходится носить в подсумке на ремне, потом так пейджеры носили, очень похоже. Но карабин это элитное оружие, на всех парадах все линейные всегда с карабинами, красиво, особенно с примкнутым штыком, он здесь несъемный. С коротким АК-74 с его дурацким рожком для патронов «На-Кра-ул!» не возьмешь. И стреляет карабин точнее, я на стрельбище выбил 28 очков из 30 тремя выстрелами. Это были первые и последние три выстрела в моей армейской

жизни. Больше во время службы мне стрелять не довелось.

День присяги был известен заранее, кто хотел мог известить родных, чтобы они приехали, этот день считался праздником. Погода хорошая, лето, Елец не Колыма и не Сахалин, можно и приехать, но из наших только Леша Попов сказал, что его родители приедут. Они из Пскова поедут куда-то на юг, на родину отца, и заедут в Елец по пути. Остальным и мне в том числе и в голову не пришло сообщать родителям, а тем более предлагать приехать. Вот еще! То же мне, праздник.

С утра нам выдавали парадную форму. Тот же старшина проделывал примерно те же процедуры, только делал это уже не так тщательно, не высматривая подолгу, не примериваясь, а как придется, сидит форма и ладно. Парадная форма нам нужна на присягу, на один день, еще пару дней займет дорога в часть, смотря у кого какая, конечно, дорога, моя заняла недели две, и на дембель, все. Ах, да, увольнительные еще, у меня их просто за два года не было почти ни одной, поэтому я этот момент упускаю. Я тоже не придавал большого значения подбору формы, дали и ладно, ботинки вообще взял первые попавшиеся, на два размера больше, зато подъем не жмет, больше не меньше. С фуражкой опять повезло, нашел свой размер, волосы уже чуть подросли, а на дембель и по-давно обросший поеду, поэтому фуражка побольше нужна.

Само торжественное построение, выход по одному перед строем, зачитывание текста присяги, сам текст нас застави-

ли выучить, хотя по факту читали по бумажке, и скрепление его собственноручной подписью, не заслуживают отдельно-го рассказа, все как у всех. После окончания торжеств и фотографирования отпускали в увольнительную, странно как-то отпускали, вместе с сержантом, слава богу не нашим, а то никто бы не пошел. Делегировали такого же «замка» только из другого взвода, Филиппов. Он вел желающих на переговорный пункт позвонить домой, туда и обратно, по дороге обещал завести в краеведческий музей. И все. Что это за увольнительная, с сержантом вместе? Я решил не ходить.

Только что присягнувшие стали разбредаться кто куда, большинство все-таки с Филипповым на переговорный пункт, я переходил от одной группке к другой, начиная разговор с жалоб на пернатых, птичка какнула мне на самую макушку фуражки, и я ходил теперь с размазанным пятном. Переживал я не сильно, присяга прошла, скоро сдавать фуражку в каптерку, но нужно же было о чем-то говорить. Головченко, знаток народных примет, сказал, что это хорошая примета, она не подвела.

Леха Попов сидел поодаль на скамейке с родителями и махал мне рукой. Я-то полагал что ему хочется побыть одному с родителями, а тут он зовет меня. Ну это приятная новость, я с радостью откликнулся, ведь родители приехали не с пустыми руками, будет чем поживиться и мне значит, а вы, друзья мои идите звонить домой.

Алексей представил меня и своих отца и мать:

– Это моя мама, Мария Тимофеевна, а это отец, Виктор Борисович, а это мой боевой товарищ, Руслан Нафталиев по прозвищу Нафталин. – Он приобнял меня за плечи. Улыбаясь, с лихо заломленными назад фуражками мы словно сошли с фотографии закадычных армейских дружков.

– Алексей, что за прозвища?! Это не очень красиво. – Мать вступилась за меня, она думала меня может обидеть этот Нафталин, нет, я даже об этом не думал, а уж на друзей обижаться совсем не дело. А Попова я считал другом, хотя мы и были знакомы меньше месяца.

– Да что вы, Мария Тимофеевна, меня все так называют, в армии так принято, я не обижаюсь. – Лешинной матери я уже понравился, человек, который тебя называет по имени отчеству, становится ближе автоматически. А я вообще умел понравиться, особенно женщинам в возрасте.

Пока мы так разговариваем, подходит вся наша когорта с тем самым Филипповым во главе, и сержант обращается к нам с Лехой.

– Нафталиев, Попов, вы у меня тоже в увольнительной значитесь, вот ваши фамилии, – И он показал листок. – Не хотите все-таки пойти на переговорный пункт? – Сержант волновался, раз мы у него в списке то вроде бы он за нас отвечает, а если мы остаемся в части, а он уходит, то непонятно кто же теперь будет за нами следить, непорядок.

– Так это, товарищ сержант зачем же Попову идти на переговорный пункт, кому ему звонить? Ведь вот его родите-

ли, вот мать, Мария Тимофеевна, вот отец, Виктор Борисович. Ему некому звонить, а хотел бы он дойти с родителями до вокзала и проводить их на поезд, а перед тем посидеть в сквере на скамейке, поговорить, пирожков домашних поест. Вы любите пирожки? Вот и он любит.

Это был экспромт с моей стороны, я понятия не имел можно ли так, ведь в увольнительной четко сказано, следуют с сержантом, это я прочел, а с другой стороны, волков бояться в лес не ходить, надо пробовать. И вышло! Внял сержант голосу разума, отстал, я тоже отбрехался, что родители в отъезде, звонить некуда, не пойду. О том, что я пойду с Поповыми я промолчал.

Сержант со своей группой, а я с Поповым и его родителями прошли через КПП вместе, все верно, в списке и я, и Попов есть, на нас парадная форма, пропустили без помех. По выходу из части ходоки на переговорный пункт ушли дальше, увлекая за собой нашего старшего, сержанта Филиппова, а мы остались сидеть в сквере, на полпути между частью и вокзалом. Сквер небольшой, Елец и сам-то город не великий, райцентр, и скверы тут соответствующие. Скамейки тоже простецкие, не эти огромные, повторяющие все изгибы тела садово-парковые шедевры эргономики, а обыкновенные, лавочки, на бетонном основании, но не тяжелые. Мы передвинули одну напротив другой и устроились с комфортом.

Поездка из Пскова до Ельца, с пересадкой в Москве, за-

няла почти весь день, то есть родители Попова были в пути уже сутки. Мать Алексея, Мария Тимофеевна сейчас доставала продукты, которые расставляла на скамейке возле себя. Виктору Борисовичу пришлось отодвинуться поближе к краю, место для продуктов требовалось много. Мы с Алексеем мысленно потирали руки в предвкушении, но только мысленно. Вслух Леша говорил:

– Да не мама, кормят нас, не голодные же мы ходим, ну не так как у тебя, само собой, все же армия, пирожков тут нет, но не голодаем, – На самом деле Леша именно что голодал, даже похудел немного.

– Еще бы вас кормили как я тебя кормлю, это понятно, что пирожки вам тут никто жарить не станет, – Мария Тимофеевна продолжала вынимать продукты.

Поскольку я человек южный, а Псков на севере, кое-что было мне в диковинку, а именно клюква в капусте и грибы! Три года в Москве не в счет, в смысле еды я мало что почерпнул за эти три года, из нового я узнал только «вымя коровье отварное в сухарях с картофельным пюре», «почки говяжьи в сметанном соусе с макаронами» и «легкое с рисом». А Мария Тимофеевна выкладывала по очереди: капусту, квашенную с клюквой в пластиковой банке из-под шпатлевки, соленые белые грузди в стеклянной литровой банке, домашние котлеты в половине круглого хлеба, три вида пирожков с разной начинкой в трех разных пакетах, три отварные куриные ножки в плотном пакете из-под венгерских кур, сварен-

ные вкрутую яйца россыпью, без упаковки. Виктор Борисович извлек из недр сумки бутылку Зубровки.

– Ну Витя, ты же сказал, что везешь Зубровку сестре! Мы едем в гости к его сестре, в Таганрог, – пояснение предназначалось для меня, – зачем же ты, ребята-то на службе, куда им водку-то.

– Так я не им, а себе, и не водка это, а зубровка, – Виктор Тимофеевич был человек спокойный и находчивый.

Я помалкивал, знал себе уплетал, особенно поразили меня грузди, раньше грибы я видел только на картинках, Алексей тоже не встречал в разговор старших, думаю он просто заранее знал, чем все закончится. Конечно, налили и нам и, конечно, мы не отказались. Да боже мой, будто в армии никто не пьет! И к тому же присяга, праздник!

Первым делом были съедены пирожки, все до одного, затем перешли к курице, ножек три, а нас четверо, Мария Тимофеевна отказалась, из солидарности отказался и Виктор Борисович, Леше досталось две. Грибы шли как закуска, к тому же я опасался их много есть, на тех картинках, на которых я видел грибы раньше рядом со съедобными всегда бывали и ядовитые, а ну как это какие-нибудь ложные грузди. Яйца решено было взять с собой и съесть на завтрак, их легко рассовать по карманам. Таким образом перешли к котлетам уже изрядно насытившись, потекла беседа.

Говорила в основном Лешина мама, отец все больше помалкивал, наливал себе, пропуская нас, выпивал, закусывал

и опять молчал. Первым делом выяснили что я из Баку, и Мария Тимофеевна сразу оживилась, оставила еду, вытерла губы платком, по старому обычаю вынув его из-за рукава и принялась говорить.

– А ведь я в Баку родилась! Да-да, и в метрике запись есть и в паспорте указано, место рождения город Баку Азербайджанской ССР, – это в мою сторону, в ответ не недоумение выраженное исключительно мимикой, так как рот был занят едой.

Я ведь сорок второго года, мать в эвакуацию ехала как раз через Баку, тогда в сорок первом и сорок втором многие так ехали, до Баку поездом, потом паром до Красноводска и в Среднюю Азию, через Центральную Россию проезда не было, все было занято переброской войск с востока, так нам говорили. Вот мать моя и застряла в Баку на несколько дней, беженцы обычно на приморском бульваре у парашютной вышки сидели, ждали парома, их часто отменяли, погода на Каспии переменчивая, подует знаменитый бакинский норд и все, паром не ходит. Это мне мать все рассказывала, мать и подруга ее, Севда-ханум. Ханум это у них обращение к замужней женщине. Пока мать была жива мы часто ездили в Баку с ней, и у себя тетю Севду принимали, ты Леша маленький был не помнишь. Мать-то моя рано умерла и до шестидесяти не дожила. А тетя Севда и приютила мать тогда, в сорок втором. Схватки внезапно начались, раньше срока, то ли надорвалась она, то ли еще что, родилась я недоно-

шенной, ехать трудно, ничего ведь нет, ночевали и то под открытым небом, в Баку тепло и весной. Маме повезло, очень помогли ей, азербайджанцы взяли к себе на время, не пришлось ехать в Краснодарск. А как немного я подросла, и немцев погнали, так мы с мамой вернулись домой, а доброту людей мать завещала мне помнить и тебе Леша я говорю, не забывай. Тетя Севда жива и по сей день, надо будет тебе туда поехать, повидаться, отдать дань уважения людям, что фактически спасли твою бабушку. Так что Баку для меня родной город.

На Марию Тимофеевну нахлынули эмоции, воспоминания, прежде всего о матери, что она ребенком могла помнить о войне. Я заверил, что после армии непременно жду Алексея в гости в Баку, летом, когда учебы нет, мой дом, твой дом и так далее. Этому не суждено было сбыться, насколько я знаю, Попов в Баку так и не побывал.

САМОВОЛКА

Рассказывая о своей немудреной службе, я уже несколько раз упоминал о самоволках. Да, был такой грех, причем неоднократно. Елец город маленький, гарнизонный патруль если и есть, то один на весь город. Если ты идешь в парадной форме, тебя обязательно остановят, проверят увольнительную, внешний вид, даже замечание не преминут сделать, чтобы служба медом не казалась. А если идешь по городу в повседневном обмундировании, так и внимания не обратят скорее всего, а спросят скажешь старшина послал на та-

бачную фабрику, или в магазин, или к себе домой за чем-то. Найдешь что сказать, как это проверить? По-хорошему, должны задержать, доставить в комендатуру, вызвать представителя из части, но это такая волокита, а если выяснится, что таки правда тебя послали по делу, то и вовсе пшик. Это все я узнал из нескольких отрывочных бесед с теми, кто служил тут давно, потом у Бижуква в хлеборезке я получил много интересных сведений, у Логинова брат отслужил только-только и все это ему передавал, были и другие источники.

Я не то, чтобы анализировал все это и приходил к выводу, о простоте хождения в самоволки и поэтому решил надо пробовать, нет. Все произошло само собой и постепенно. Наше с Поповым и его родителями сидение в парке, это по сути дела, пусть и не самовольное оставление части, нас выпустили по списку в увольнительной, но все равно нарушение, подойди к нам патруль, на руках у нас документа нет. Потом раз случай был я выскользнул за пределы части, когда уклонялся от сдачи наряда, нагло вышел через КПП, никто не остановил, и особенно никуда не шел, слонялся за забором, яблоки рвал по садам, вокруг частные дома. Никто меня не шугал я по карманам рассовал несколько яблок, и в части меня никто не искал, не мог искать, все знали, что я скрываюсь от сдачи наряда, такой мой метод. Искал только следующий коридорный, да он и представить не мог, где я.

И вот так получилось, что однажды, когда друзья мои закадычные Моисеев и Попов аккурат вдвоем вместе дневали-

ли, а после обеда занятий не было, старлей наш то ли заболел, то ли вызвали его куда, я должен был идти к старшине, он подбирал бригаду на ремонт в казарме. Пришел я, а старшина занят, говорит иди погуляй, через час придешь. Часы у меня были, дешевые, помню хорошо, двадцать три рубля за них отдал в универмаге «Московский» что у трех вокзалов, их потом в Воркуте отобрали у меня. И я пошел гулять, дошел до конца части, до забора, а он такой невысокий, легко преодолеваемый, сам манит, я перемахнул через него и ушел в город на час. Так что ничего я не планировал, само вышло.

Должен всем сказать, что это выражение «воздух свободы» пусть клише, штамп, но имеет реальную подоплеку. После того как я всего-то несколько недель, месяца полтора делал только то, что мне велят, шел только туда, куда направляют, даже думал о том, о чем надо думать в эту минуту, после всего этого банальная часовая прогулка по городу меня воодушевила.

Я шел по берегу Сосны стараясь не отходить далеко от жоненых дорог, но и не красоваться вдоль заборов домов. Так я дошел до деревянного пешеходного моста через реку, этот маршрут я знал, когда мне не удавалось откосить от физкультуры, мы бежали свои шесть километров как раз тут. Перейдя через мост и войдя в центр города, я старался идти, не глядя по сторонам, выглядеть деловито, не гуляю я, а выполняю важное поручение. Я помнил, что старшим по званию надо при встрече отдавать честь, но таковых не было, кроме

одного капитана милиции. Сдуру я отдал ему честь, чуть ли не перейдя на строевой шаг, как учили, капитан тоже в ответ приложил руку к фуражке, но посмотрел на меня с сожалением, как на больного человека. И тут я сообразил, что одет кое-как, гимнастерка грязная, я же на работу к старшине шел наниматься, сапоги тоже не очень чистые после прогулки по пыльным обочинам, зачуханный салага.

Надо оглядеться, попривыкнуть, зайду-ка я в музей, про который Филиппов говорил, мне и самому интересно и по бумагам я там считай побывал. Музей крохотный, но интересный, всякая крестьянская утварь меня не заинтересовала, а вот большой макет средневекового города выглядел увлекательно. Пока я его рассматривал сотрудница музея рассказала мне коротко об истории города, оказалось, что первое упоминание о Ельце это 1146 год, то есть на год раньше Москвы, так вот! А еще я узнал, что в городе стоит собор, работы архитектора Тона, причем мне доверительно сообщили, что это тот самый Тон, чей собор в Москве взорвали, а в Ельце вот, стоит. Я побежал его смотреть, времени оставалось не так много.

Все это в пешей доступности, говорю же, город маленький, собор интересный, величественный, мне понравился. Постоял, полюбовался, уже не скрываясь, не притворяясь посланным по делу, как-то надоело это, да и успокоился пока в музее отдыхал. Ну поймают, так поймают, зато подышал воздухом свободы. Иду от собора назад к мосту, для разно-

образия по другой улице иду, смотрю продается мороженое с лотка. И даже не сколько мороженого мне захотелось, хотя и это тоже, сколько продавщица привлекла мое внимание.

Девушка, молоденькая совсем, как бы ее описать-то? Лисичка, вот! Не гриб лисичка, а маленькая лиса, вот такая лисичка. Все у нее такое остренькое, и уши как будто остренькие, не буквально, конечно, не лисьи уши, человеческие, но вот как будто остренькие. И мордочка, тьфу ты, личико, такое остренькое тоже, опрятное, аккуратное, но круглости нету, острое все. И, простят меня ханжи, платье у нее легкое, тонкое, просвечивает, видна грудь, и она тоже остренькая такая. Слово мне нравится и точно описывает эту Лиду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.